

Соловьев К.А.

Властные отношения в Московском государстве второй половины XV века в оценке российских историков XVIII – начала XX веков

Период правления великого князя Всея Руси Ивана Васильевича III был чрезвычайно насыщен событиями в политической сфере. Утверждение власти великого князя через соправление, попытка закрепить наследование великокняжеской власти по старшей нисходящей линии наследования, формирование государственной территории, ликвидации вечевого строя в Новгороде, обретение независимости, выход на мировую дипломатическую арену, женитьба великого князя на последней представительнице правящей династии византийских императоров, создание первых органов государственного управления и введение общегосударственных законов – вот лишь самые заметные проявления политических процессов, протекавших в Московской Руси во второй половине XV в. И это на фоне почти полной неподвижности в сфере производственной и подспудно вызревающих изменений в социальных отношениях. Не стоит удивляться, что именно политика великого князя Ивана III и его личность, как творца нового государства, чью значимость для русской истории нередко сравнивали с преобразовательной деятельностью Петра I, привлекали внимание отечественных историков. Но направления, масштаб и значение преобразований во властной сфере России XV были выявлены далеко не сразу, как не сразу появились работы, специально посвященные истории России и второй половине XV века и властным отношениям этого периода.

В трудах по истории России созданных в XVIII в. характеристика властных отношений соединена с характеристикой представителей высшей власти. В нашем случае ее нужно искать в оценках деятельности великого князя Ивана III. Первое научное сочинение по российской истории принадлежит перу секретаря российского посольства в Швеции А.Я. Манкиева. приведем две цитаты, в которых автор дает характеристику власти Ивана III.

Первая: «Великий князь и Самодержец Русский Иоанн Васильевич Грозный войска сильные с Руси собрал ... иго татарское с себя со всей Руси сбил, и стал Монарх совершенный Русский»¹.

Вторая: «Иоанн Васильевич сей Великий Князь Московский за великие свои добродетели, бдение и попечение за соблюдение государства, паче всех своих предков хваления удостоился, и с великим оным Владимиром Святославичем всея России Монархом по справедливости сравниться достоин, ... после которого самоначалство Русское весьма утвердилось, и пришло в цветущее состояние»².

Эти фрагменты характеристики деятельности великого князя дают нам ряд определений власти Ивана III: он «самодержец», «монарх совершенный»³, власть его характеризуется как «самоначалство». Все эти определения позволяют трактовать власть Ивана III двояко: А. она была полной и не нуждалась в дополнительной легитимации; Б. она была выражением независимости Руси. Это полностью соответствует летописной традиции, в которой два значения слова «самодержец» спокойно уживались. Но сопоставление с Владимиром Святославичем заставляет нас думать о том, что Манкиев, используя термины «самодержавие» и «самоначалство», стремился дать их монархическую и даже абсолютистскую трактовку. В ней власть

¹ Манкиев А.Я. Ядро российской истории М., 1770. С. 168–169.

² Там же. С. 180.

³ В данном случае – полный, со всем и правами независимого правителя.

Великого князя независима не от вчерашних поработителей, а от влияния на нее «изнутри», со стороны тех сил, которые могли бы претендовать на участие во власти: других представителей династии Рюриковичей, боярства, церкви. Для дипломата и переводчика, чья активная деятельность пришлась на первые десятилетия XVIII в., эта трактовка естественна и соотносится с господствующими в то время среди сподвижников Петра I идеями абсолютной власти монарха.

Короткие фрагменты характеристики власти Ивана III, содержащиеся в сочинениях других историков первой половины – середины XVIII в. чаще всего, если не терминологически, то по духу, совпадают с позицией Манкиева. Г. Шлецер, начиная с Ивана III четвертый период российской истории, длящийся, по его мнению, до преобразований Петра Первого⁴, уже в структуру своей работы заложил сопоставление фигур двух реформаторов. Это сопоставление продолжается на уровне титулов. Со времени Ивана III, пишет Шлецер, «правители ее [России – авт.] начали именоваться царями»⁵. А со времени Петра – императорами. Подробной характеристики власти Ивана III Шлецер не дает, так что нам теперь остается только догадываться, было ли сопоставление фигур случайным, или автор видел в их власти некие общие черты.

М.В. Ломоносов, в своем «Кратком российском летописце с родословием», назвал Ивана III «самодержцем»⁶, причем не во «внешней», связанной с независимостью, а именно во «внутренней» трактовке этого титула. К прежде того бывшим правителем он этот термин не употреблял. О том, насколько важной была для Ломоносова эта идея «самодержавности» власти великого князя Ивана Васильевича, свидетельствует то, что он применил этот термин также и в «Замечаниях на первый том Вольтера»⁷, и в «Идеях для картин по русской истории» дав одной из них название: «Приведение новгородцев под самодержавство».

У М.В. Ломоносова же мы встречаем самую первую попытку показать эволюцию властных отношений в Московской Руси в период правления Ивана III: «По супружеству с царевною греческою Софиею, [Иван Васильевич – авт.] присвоил герб Римской империи – орла двуглавого»⁸. Слово «присвоить» из того ряда, что и «самодержавство» и «самоначалство». Оно указывает на *полноту властных полномочий* Ивана III, которому никто не мог помешать поступать по его воле. А упоминание о Софье и гербе – прямое указание на то, что «самодержавство» Московского государя опирается на древнюю и признанную властную традицию погибшей, к этому времени, империи.

Для характеристики исторической мысли второй половины XVIII в., в рамках нашей темы, мы можем опираться лишь на труды И.Н. Болтина и М.М. Щербатова. Мнение И.Н. Болтина более всего схоже с мнением Шлецера. Иван III, пишет Болтин, «учинил монархию, присовокупив к государству великие области» и был «назван первым Царем Российским»⁹. Именно поэтому, Болтин, когда упоминает о предшественниках Ивана Васильевича, использует оборот «принимает престол», а к нему самому – глагол «воцарился»¹⁰.

Более подробна и более самостоятельна характеристика власти Ивана III, данная М.М. Щербатовым. Он завершает ее общим для всех историков XVIII в.

⁴ Шлецер Г. Изображение Российской истории. СПб., Б.г. С. 13.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ «...республику новгородскую уничтожив, привел под свое самодержавство» (Ломоносов М.В. Краткий российский летописец с родословием // Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. Труды по русской истории. М.-Л., 1952. С. 318).

⁷ Там же. С. 362.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Болтин И.Н. Примечания на историю древней и нынешней России Г. Леклерка. Т. 1. Б. м., 1788. С. 310.

¹⁰ Там же. С. 310.

высказыванием: «он был великий государь, и который первый положил основание величеству России»¹¹. Но «величие» Ивана III он видит не только и не столько в его «самодержавности», сколько в том, что он сумел доказать пользу самодержавной власти: «Приобрел себе самодержавную державу над Новым городом и покорил Тверское княжество не столь силою оружия своего, коль мудрыми своими поступками, и принудя и самые вольные народы любить свою власть»¹². Вполне в духе идей «Просвещения» он (впервые в отечественной историографии) дает *рациональное объяснение* формированию самодержавной власти в Московском государстве. Самодержавие у него – не божий промысел и не произвол, а следствие *разумно понятой необходимости*, что Ивану III, в представлении М.М. Щербатова, приходилось раз за разом доказывать. Не случайно историк вставляет в свой исторический труд размышление о том, что «трудно есть наслаждавшиеся вольностью народы под игом самовластия содержать, и колико во всех своих делах великий князь Иоанн Васильевич, ни оказывал мудрости и осторожности, однако нередко знаки неудовольствия проникали»¹³.

Еще одно наблюдение М.М. Щербатова – о пышности двора Ивана III и появлении в его структуре большого количества должностей¹⁴. Здесь он, с одной стороны, развивает мысль, высказанную М.В. Ломоносовым – о преемственности власти российской от византийской, а с другой – намечает направления новых исследований потестарного образа власти великого князя.

Итак, разбирая исторические сочинения XVIII в., мы видим перед собой лишь несколько наблюдений и кратких замечаний, из которых становится ясно, что, говоря о самодержавной власти великого князя Московского Ивана Васильевича, историки имеют в виду, как его независимость от Орды, но и его свободу в отношениях со всеми подданными, возможность действовать, без оглядки на других возможных участников властных отношений. И только один М.М. Щербатов, пусть в самой общей форме, но все-таки обозначил возможности исследовать тему властных отношений и дать тем изменениям, которые происходили во властной сфере рациональное объяснение.

В начале XIX в., интерес российских историков к фигуре Ивана III и характеру его власти вызывался отчасти тем, что историю России стали изучать за рубежом. В трудах европейских историков второй половины XVIII и начала XIX вв., великий князь Московский часто именовался тираном, что могло быть воспринято как укор всей самодержавной власти в России. Соответственно, последовал комментарий, в частности А. Щекатова: «Некоторые иностранные историки называют власть российских государей «деспотической», а власть некоторых государей «тиранской и мучительской или своевольной» ... правление и власть российских государей не суть и никогда не были тиранские, но паче основанной на правоте и государственных постановительных узаконениях, с которыми всегда соображаются они»¹⁵.

Д.В. Похорский в своей «Российской истории, изображающей важнейшие деяния Российских государей» над которой работал в те же годы, что и Н.М. Карамзин над своей «историей Российской», дал такую характеристику власти великого князя Ивана III: «Иоанн, не будучи жестоким тираном, был грозен для государственных преступников»¹⁶. А верный своей самодержавной апологетике С.Н. Глинка писал, что

¹¹ Щербатов М.М. История Российская с древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1903. С. 434.

¹² Там же. С. 424.

¹³ Там же. С. 237–238.

¹⁴ (Иван III) «был великолепен в своем дворе, яко видно сие по учреждению им великого числа придворных чинов называет казначея, постельничего, ясельничего, конюшого» (Там же. С. 433).

¹⁵ Щекатов А. Картина России, изображающая историю и географию, хронологически, генеалогически и статистически. Ч. 1. М., 1807. С. 264.

¹⁶ Похорский Д.В. Российская история. Изд. 2-е. М., 1823. С. 98.

Иван III «более тридцати лет был неусыпным блюстителем государственного и общественного блага. Более тридцати лет бедные находили в нем отца, а притесненные судию беспристрастного»¹⁷.

Декларативность такого рода оценок власти Московского государя в сочинениях Глинки естественна. Автор, доведя стилистику Н.М. Карамзина до предела, создал текст наставительно-пропагандистский, нуждающийся не в доказательствах, а в постоянном повышении градуса патетики. Доказательств того, что Иван III правил не как тиран, следовало бы ждать от Похорского, поскольку в его труде уже есть элементы научного анализа. Однако он лишь указал на то, что власть Ивана III была признана другими государями Европы¹⁸.

А. Щекатов тоже не привел аргументов в пользу того соображения, что власть Ивана III не была тиранической, а занялся перечислением иноземных традиций, которые, по его мнению, оказали влияние на характер власти в формирующемся Московском государстве. Первая традиция – Византийская. Она утвердилась в Москве тогда, когда Иван III «по просьбе супруги своей, принцессы греческой и вельмож, принял титул царя и повелителя всея Руси, как на его государственной печати и в грамотах к другим государям есть видимо»¹⁹. Вторая традиция – более глубокая и действенная – пришла с Востока. Если Византийское понимание власти повлияло на оформление правления Иван III, то восточная традиция влияла на процесс управления: «В древние времена придворные или ближние княжеские состояли из одних рыцарей, или богатырей, людей военных, предводительствующих войсками во время войны, а во время мирное они же были судиями народу и защитниками обижаемого или притесняемого. ... Потом, при царях установлены они были по образцу азиатских владетелей придворных. Одевание их было также азиатское и назывались они царедворцами»²⁰. В этой характеристике «азиатских» корней властных отношений в Московском царстве, содержится, на наш взгляд противоречие тезису о не-тиранической власти Ивана III и следующих за ним Московских государей.

Единственный аргумент в пользу того, что власть Ивана III соотносима с властью других европейских монархов, мы находим лишь в труде правоведа Г.И. Терлаича «Краткое руководство к систематическому познанию гражданского права России», где автор отмечает, что власть Ивана III строилась на законах, действующих на Руси со времен Ярослава Мудрого с добавлением двух, принятых как раз в это время: «Устава об управлении удельных княжеств и постановления о единодержавном наследовании Всероссийского Престола»²¹. Явная модернизация Терлаичем правовой деятельности в России XV в. (как и в другие исторические эпохи) не дает возможности читателю ни соглашаться с ним, ни вступать в полемику.

Первая, по времени, полноценная характеристика власти Московского государя во второй половине XV в. содержится в труде Н.М. Карамзина. По его мнению, в это время во властной сфере России проходили те же процессы, что и в Европе. «Иоанн явился на феатре политическом в то время, – пишет Карамзин, – Когда новая государственная система, вместе с новым могуществом Государей возникла в целой Европе на развалинах системы Феодалной или поместной. Власть королевская усилилась в Англии, во Франции. Испания, свободная от Мавров, сделалась

¹⁷ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 4. Изд. 3-е. М., 1823. С. 38.

¹⁸ «Сорокатрехлетнее премудрое правление Иоанна доставило России во всем великое благоустройство от всех Европейских государей. Разные посольства спешили утвердить союз с Иоанном, именуя его Великим, а некоторые Царем Белой Руси» (Похорский Д.В. Указ. соч. С. 98).

¹⁹ Щекатов А. Указ. соч. С. 259.

²⁰ Там же. С. 277–278.

²¹ Терлаич Г. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского права России. Спб., 1810. С. 83.

первостепенную Державою»²². Собственно говоря, именно это, скорее всего, имели в виду Шлецер и Болтин, когда писали о царском титуле Ивана III, однако краткость их высказываний не позволяет утверждать об этом с уверенностью. Карамзин же первым попытался «встроить» эволюцию властных отношений на Руси в те процессы, что проходили по всей Европе.

Но власть в России – совсем не то же, что власть в европейских государствах. И Карамзин находит тому два объяснения. Первое – противоречие между задачами государства, осознаваемыми только в элите и традиционными представлениями о власти в народе. Верный своему литературному дару, Карамзин находит изумительные по яркости слова для характеристики этого противоречия: «Народ еще коснеет в невежестве, в грубости, но Правительство уже действует по законам ума просвещенного»²³. Отметим, что Карамзин, тем самым соединяет свою главную идею о благотворности самодержавия для России и другой идей – Вольтеровской – о просвещенном абсолютизме, как действенной силе исторического прогресса.

Второе объяснение Карамзина столь же образно, но не так ясно по мысли: «Хотя ничего не делается вдруг; хотя достохвальные усилия Князей Московских, от Калиты, до Василия Темного, многое приготовили для Единовластия ... но Россия при Иоанне как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного»²⁴. Что такое «твердый образ» и «полное бытие государственное» читателю оставалось догадываться. Но сам Карамзин указал направление к достижению этого «полного бытия», выработанное при Иване III. Оно состояло в усилении единодержавных начал путем последовательного подчинения воле государя таких, прежде самостоятельных субъектов властных отношений, как князья династии Рюриковичей, церковь, боярство²⁵. А «твердый образ» власти формируется на Руси (по мнению Карамзина) посредством утверждения новых обрядов²⁶, базирующихся на прочном фундаменте исторической традиции²⁷.

Труд Н.М. Карамзина являет собой недостижимую вершину в изложении истории России в рамках повествовательного подхода. Стройность и последовательность изложения в сочетании с яркой образностью – вот критерии для такого подхода, утвердившегося в России в XVIII в. Карамзин продемонстрировал все его возможности, добавив к логике изложения исторического материала яркой эмоциональности и

²² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. М., 1998. С. 207.

²³ Там же. С. 5.

²⁴ Там же. С. 209.

²⁵ «Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния Царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется Держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. ... Внутри Государства он не только учредил Единовластие ... он [Иван III – авт.] был и первым истинным Самодержцем России, заставив благоговеть перед собой и Вельмож и народ, восхищая милостью, ужасая гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием Венценосца. Князья племени Рюрика и Святого Владимира служили ему наравне с другими подданными и славились титулом Бояр, Дворецких, Окольничих, когда знаменитою, долговременной службою приобретали оное» (Там же. С. 5 и 211).

²⁶ «Председательствуя на Соборах Церковных, Иоанн всенародно объявил себя Главой Духовенства ... любил пышную торжественность; уставил обряд целованья монаршей руки, в знак лестной милости; хотел всем наружными способами возвышаться пред людьми, чтобы сильно действовать на воображение; одним словом, разгадав тайны Самодержавия, сделался как бы земным Богом для Россиян, которые с сего времени начали удивлять все иные народы своею беспредельною покорностью воле монаршей» (Там же. С. 211).

²⁷ «Иоанн гордился древним именем Великого князя и не хотел нового: однако ж в сношениях с иностранцами принимал имя Царя, как почетное титуло великокняжеского сана, издревле употреблявшегося в России» (Там же. С. 214).

назидательности. Но уже в сочинении С.Н. Глинки наглядно проявляются все недостатки повествовательного подхода к истории: линейность в изложении фактического материала; ярко выраженный субъективизм автора, опора не столько на источники, сколько на устоявшиеся представления, а, следовательно, тяга к мифологизации истории.

Вторая четверть XIX в. стала временем, когда наряду с повествовательным подходом утверждается подход аналитический. Происходит это во многом потому, что любители русской истории, каковыми были историки XVIII в. уступили место профессионалам: преподавателям российских университетов, владевшими методиками гуманитарных исследований и формировавшими методику исследований исторических.

Уже в труде Карамзина имело место сопоставление истории России с историей других стран Европы. В работах историков второй четверти XIX в. со – и противопоставление Российской истории и истории других стран проводится не только на уровне событий, но и на уровне причин и условий, эти события вызывающих. Кроме того, сопоставление проводится и с другими периодами в истории самой России. Таким образом, при использовании новых подходов, характеристика властных отношений определялась не заданным форматом оценок (пропаганда абсолютизма в XVIII в.; опровержение тиранической парадигмы власти – у ряда авторов первой четверти XIX в.; апологетикой самодержавия у Карамзина и Глинки), а выводами сделанными в результате сопоставительного анализа исторических процессов, как совпадающих по хронологи, так и протекавших в разные исторические периоды.

И в этой характеристике много завесило от того, какой периодизации в истории России придерживался тот или иной историк. Так, профессор кафедры русского права в Дерптском университете А. Рейц, в своем «Опыте истории Российских государств и гражданских законов»²⁸, поместил правление Ивана III в единый «Период образования княжеств при первенстве великого князя до введения Монархии от половины XI столетия до половины XVI столетия» В результате интересующий нас процесс эволюции властных отношений во II пол. XV в. не привлек внимания автора. В книге есть только пара рассуждений о нововведениях в этой сфере. Они находятся в тексте третьей части книги «Образование монархии и царства Московского и всея Руси». В одном случае Рейц упоминает о составлении нового Судебника, объясняя это тем, что «Восстановленная независимость Государства требовала большего порядка в управлении»²⁹. В другом отмечает, что «Еще до Ивана Васильевича [IV – авт.] престол переходил наследственно в прямой мужеской линии, по праву первородства, впрочем, сверх сего отец сам назначал иногда наследника»³⁰.

Совсем иной схемы периодизации придерживался профессор Петербургского университета и автор учебника по русской истории для гимназий и реальных училищ Н.Г. Устрялов. У него Иван III открывает совершенно новый этап в российской истории, длящийся два века³¹. Соответственно по масштабу событий, происходящих как в обществе, так и во властной сфере, Устрялов (следуя традиции, заложенной Шлецером) сопоставляет Ивана III с Петром I, находя при этом одно важнейшее

²⁸ Рейц А. Опыт истории Российских государств и гражданских законов. М., 1836. С. 3.

²⁹ Там же. С. 238.

³⁰ Там же. С. 243.

³¹ Виновником достопамятной перемены в судьбе восточной Руси, основателем могущественного Русского царства, был старший сын Василия Темного, Иоанн III. На целые два столетия он установил правила внутренней и внешней политики; преемникам оставалось только довершить его планы, чтобы возвеличить свое государство» (Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 2. Изд. 2-е. Спб., 1838. С. 6).

отличие: «Иоанн усердно держался старины отечественной, не изменял ни нравов, ни обыкновений, ни общественных уставов»³².

Здесь необходимо отметить, что, безоговорочно доверяя декларациям самого Ивана III, постоянно подчеркивавшим непрерывность властной традиции от времени великих князей Киевских, Устрялов высказался слишком однозначно и загнал сам себя в логический тупик. Если Иван III устанавливал правила на будущее, то каким образом он это мог делать, ничего не меняя? Мало того, при характеристике действий великого князя, направленных на усиление самодержавного правления (что по Устрялову было «было главной целью его политики»³³), автор сравнивает его с ведущими реформаторами властных отношений в Европе Людовиком XI во Франции, Фердинандом Католиком в Испании и Генрихом VII в Англии. И находит только одно отличие: он добивался того же, что и монархи, создающие новые системы управления, не прибегая к насилию. Это означает, что де-факто, Устрялов признал Ивана III новатором, но не хотел его так именовать.

Выход из тупика был найден и он оказался изящным: «Иоанн, наконец, установил порядок и внутреннего государственного устройства. ... Отличительным характером внутренних учреждений Иоанновых была не столько новизна основных начал, сколько определенность прежних форм гражданственности. Тщательно избегая всего иноземного, усердно держась старины отечественной, он не изменял ни прав, ни взаимных отношений; но в то же время определял им сферу, давал лучшее направление, сообразное с системою единовластия»³⁴. Таким образом, Иван III признавался правителем, который не столько вводил новые элементы управления, сколько фиксировал старые, придавая признанным, но как бы размытым и неустоявшимся властным традициям устойчивую и ясную форму, что вполне соответствует взглядам Карамзина, отмеченным выше. Эта логика рассуждений позволяла Устрялов сопоставить Ивана III уже с Владимиром Мономахом, который, по его мнению, делал то же самое в XII в., для властных отношений, сложившихся в X – XI вв.³⁵

Тезис о ведущей роли Ивана III в утверждении новых для России форм властных отношений закрепляется в произведениях и других крупных историков того времени, однако наполнение его различно. Для М.П. Погодина очевиден разрыв между старым и новым: «Иоанн вступает в брак с последней отраслью Греческих Императоров, Царевной Софией, которая сообщает Великому Князю идею Царя; образуется двор, принимается герб и титул. Княженье, поместье, стало Государством, удельный город Столицею, Москва Россией!»³⁶ Причем, как мы можем видеть, разрыв этот происходит по многим направлениям: древнерусская традиция властных отношений уступает место византийской, меняются все элементы, оформляющие образ власти, но вместе с тем происходят и более глубинные сдвиги – в понимании самой сути власти. В несколько слов («поместье, стало Государством, удельный город Столицею») М.П. Погодин сформулировал тезис ставший отправным для большого количества исторических работ середины и второй половины XIX в., тезис о переходе хозяйственных (поместье) и родовых (удел) отношений в государственные.

Значительно более многословным, в своей характеристике деятельности Ивана III, во властной сфере был Н.А. Полевой. В «Истории русского народа» он назвал

³² Там же. С. 7.

³³ Там же. С.8.

³⁴ Там же. С. 31.

³⁵ «Иоанн был самодержавным, подобно Владимиру Мономаху. Политика одного сходствовала с политикой другого, с тем, однако важным отличием, что Мономах не искоренял уделов...» (Там же. С. 9).

³⁶ Погодин М.П. О Москве. М., 1837. С. 20.

правление Ивана «самовластием» и утверждал, что не система власти, а личные качества Ивана III определяли способ управления государством. Не используя термины «тирания» или «произвол» Полевой дал такую характеристику действиям Ивана III, которая не оставляет сомнений в том, что в управлении Московским государством была лишь одна сила – это сам государь: «Одинокий в обширной думе своей, он не был ни понимаем, ни любим своими современниками и подданными ... его боялись, но не любили ... духовенство трепетало его самовластия; воеводы и вельможи страшились его гнева, неумолимого и неразборчивого в наказании. Современники ... любили бы его, может быть, ели бы он был народен как Иоанн Калита, и уважал предрассудки, как уважали их другие его предшественники: Иоанн не знал сих средств, для приобретения любви народной. ... Изгнание родных, смерть братьев, неуважение советов матери, казались в нем современникам тяжкими грехами. ... Еще больше ужасал Иоанн своевластием в церковных делах. ... Самовластие и неизменная воля Иоанна в делах были главною причиною его успехов. Но с летами ... Иоанн, от природы суровый, сделался горд и свиреп в делах, неумолим в решениях ... именно от того он впал в важные ошибки; думал поправлять их хитростию, и ошибался снова; хотел решать твердою волею, и – разрушал благо дел своих в самом основании»³⁷.

Как стало возможным столь долгое и столь насыщенное делами правление человека, которому не на кого было опереться? На этот вопрос у Полевого есть ответ: «Иоанн не опередил ни своего века, ни своего народа; но за то он соединил в великой душе своей все, что составляло жизнь его народа и его века: он был великим могущим их представителем»³⁸.

В другом своем сочинении Н.А.Полевой не только повторил свою характеристику власти Ивана III, по сути своей тиранической, но и усилил ее: «Говорят, вред людей гениальных состоит в том, что они все меряют на свои силы. Такой упрек остается на памяти Иоанна III за азиатскую иерархию двора, им учрежденную. Уничтожая уделы и вольные города, отнимая области у Литвы, поборая Золотую Орду, он звал к себе сильных людей отовсюду, давал им богатства и отличия – требовал одного: совершенного отречения от прав самобытных; Иоанн III был главою их – был всем: они были ничто!»³⁹ И здесь же он уточнил, что имел в виду, когда писал о том, что Иван III был выразителем потребностей своего века, превосходя его «умом и понятиями»⁴⁰. Все дело в том, что только самовластие способно было «приводить в согласие разнородные стихии, из коих в течение последних двухсот лет сложилась Россия»⁴¹.

Труды С.М.Соловьева по русской истории стали, с одной стороны самым ярким выражением идей, сложившихся в российской исторической науке во второй четверти XIX в., а с другой – проложили пути развития исторической мысли на будущее, когда повествовательный подход, полностью и до самого конца исчерпанный именно этим историком, окончательно уступит место анализу. В пятом томе «Истории России с древнейших времен», в главе пятой «Внутреннее состояние русского общества во времена Иоанна III» С.М.Соловьев тематически группирует все специфические черты властных отношений этой эпохи, ранее названные в других частях курса. Он называет Ивана III «единовластителем обширной страны», который в то же время «становиться вместе с тем и самовластителем ее»⁴². Внешним выражением этого процесса стали медленные, осторожные перемены в титуле великого князя: использование в дипломатической переписке с Литвой титула «государь всея Руси», в отношениях с

³⁷ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 5. М., 1833. С. 611–615.

³⁸ Там же. С. 449.

³⁹ Полевой Н.А. Обзорение русской истории до единой державы Петра Великого. Спб., 1846. С. XLIX.

⁴⁰ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 5. С. 613.

⁴¹ Полевой Н.А. Обзорение русской истории до единой державы Петра Великого. С. XLIX.

⁴² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 149.

Ливонией и «мелкими владениями немецкими» – «царь всея Руси», внутри страны – титула «самодержец»⁴³. Еще одним внешним выражением перемен во власти – интенсивный поиск общегосударственного символа, заметный на печатях великого князя и завершающийся отбором двух изображений: двуглавого орла и всадника, поражающего копьём дракона⁴⁴.

В числе существенных перемен во властных отношениях Соловьев отмечал «новый порядок престолонаследий, по которому дядья должны были отказываться от прав на старейшинство в пользу племянников от старшего брата», именовать старшего брата «господином»⁴⁵. Следующее новшество – объявление Ивана III «что он волен в великих княжествах, кому хочет тому и дает»⁴⁶. Но более важным для С.М.Соловьева (судя по объему отведенного текста) стала «перемена в отношениях великого князя к дружине», которая началась «в два предшествующих княжения Василия Дмитриевича и Василия Темного» и завершилась во время правления Ивана III⁴⁷. Суть этой перемены в том, что старинное московское боярство, служившее опорой великокняжеской власти во времена Дмитрия Донского, оказалось оттесненным на вторые роли. Первые же места у великокняжеского престола заняли «Рюриковичи и Гедиминовичи, которые сохраняли на службе первенствующее положение, именуясь прежде бояр»⁴⁸. Эта перемена была дополнена новым отношением к «князьям-боярам», которые, имея формальное право перехода от великого князя к удельному, решались этим правом воспользоваться (дело князя Холмского). Лишение, как служилых князей, так и бояр самостоятельности в выборе сюзерена, перевод их в состояние пожизненной и наследственной службы великому князю, компенсировался, по мнению Соловьева, увеличением числа придворных чинов и ростом богатства «князей-бояр», за счет пожалований, со стороны верховной власти⁴⁹.

В числе важных перемен С.М.Соловьев назвал и «явления, относящиеся к определению отношений между властью церковною и гражданскою»⁵⁰. Но в чем, по мнению автора, было это определение, понять сложно, поскольку далее он рассказывает обо всех значимых событиях, происходивших в церкви в эпоху Ивана III. И поскольку С.М.Соловьев, повествуя об этих событиях, постоянно выделяет и подчеркивает ту роль, которую в них играл великий князь, в качестве арбитра в спорах (или заинтересованной стороны), то, видимо, можно говорить о том, что автор видел «определение отношений» в том, что власть великого князя все более и более распространялась на церковные дела и ни в коем случае не наоборот.

Что же касается властного поведения, которое, (как об этом писали некоторые авторы XVIII – начала XIX вв.), должно было меняться, вместе с переменами в самой власти, то С.М.Соловьев не увидел в нем «больших перемен против образа жизни его предшественников»⁵¹. Вместе с тем, он уделил много внимания такому явлению, находящемуся на грани властных отношений и властного быта, как браки самого правителя и его детей. Иван III, своей женитьбой на Софье, браком Ивана Молодого с дочерью молдавского господаря и дочери Елены с великим князем Литовским Александром, старался насадить (или возродить забытую) традицию укрепления межгосударственных родственных связей, что было вполне в духе утверждения

⁴³ Там же. С. 141.

⁴⁴ Там же. С. 142.

⁴⁵ Там же. С. 140.

⁴⁶ Там же. С. 149.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 152–153.

⁵⁰ Там же. С. 177.

⁵¹ Там же. С. 146.

«царской» власти. Однако, строгости православной веры и личные качества самого Ивана III, который в переговорах был слишком властен и непоследователен, сорвали это важное начинание. А это, по мнению С.М. Соловьева имело для последующей истории России крайне негативные последствия⁵².

Подводя итоги написанному выше, необходимо отметить, что все три выделенные этапа в развитии отечественной историографии властных отношений второй половины XV в. (как и других тем в изучении российской истории) роднит общий методологический подход, который здесь был назван повествовательным. Все авторы от Манкиева до Соловьева, прежде всего, рассказывали об исторических событиях, разбавляя этот рассказ отдельными наблюдениями. Эти наблюдения складывались в общую для всех авторов апологию абсолютной (самодержавной) власти (просвещенного абсолютизма для историков конца XVIII в.). В начале XIX в. наблюдения и замечания по поводу властных отношений возникают чаще всего в там и тогда, где появляется потребность в обосновании нетиранического характера власти великого князя и ее типологической близости к власти европейских монархов – современников Ивана III. Н.М. Карамзин, исчерпав возможности повествовательной манеры, подтолкнул историков второй четверти XIX в. к поиску иных подходов и, прежде всего, к усилению аналитической составляющей их трудов. Это принесло первые плоды: Н.Г. Устрялов обнаружил во властной деятельности противоречие, которое заключалось в том, что формирование абсолютно новых властных отношений сопровождалось постоянными декларациями верности древней традиции; М.П. Погодин усилил аргументацию в пользу разрыва между древними традициями власти и новаторством Ивана III; Н.А. Полевой высказал мнение о тираническом характере власти московского государя и постарался найти ему обоснование, а С.М. Соловьев представил широкую картину перемен во властных отношениях в Московской Руси к началу XVI в.

Одна из самых характерных черт в развитии исторической науки середины XIX в. – особо пристальное внимание к истории права. Это вполне объяснимо: к концу 1850-х гг. российская общественность достигла консенсуса по вопросу о необходимости менять правовые основы русской жизни. Полемика велась о том, в каком направлении направить эти изменения и до какой степени они должны быть глубокими. Осмысление того пути, который уже прошла страна в совершенствовании собственной правовой системы становится первоочередной исследовательской задачей не только для правоведов, но и для историков. В этом смысле показателен 1858 г., когда из печати вышли «История русского общественного права до XVIII в.» профессора Московского университета В.И. Лешкова, «Опыты по истории Русского права» Б.Н. Чичерина и первый том сочинений К.Д. Кавелина (в то время профессора Санкт-Петербургского университета), содержащий работу «Взгляд на юридический быт Древней России»⁵³.

---

⁵² «Неуспех Ивана III в искании невесты для сына среди княжен иностранных имел важное следствие: иностранная княжна на престоле московском необходимо сближала бы и мужа и подданных с прежним отечеством своим и вообще с Западною Европою, содействовала бы сильнейшему усвоению плодов цивилизации, введению новых обычаев и как в этом, так и в других отношениях имела бы больше значения, более влияния по самому высокому происхождению своему. Значение Софьи Витовны и Софьи Палеолог кроме личного характера их много объясняется их происхождением; Софья Палеолог принимала иностранных послов; после нее при великих княгинях и царицах из подданных, этого обычая не видим. Воспитанная в тереме, дочь московского боярина или менее значительного служилого человека переносила и во дворец свою теремную жизнь; великий князь, как великий князь, оставался одинок на своем престоле (Там же. С. 147–148).

⁵³ Лешков В.И. История русского общественного права до 18 в. М., 1858; Чичерин Б.Н. Опыты по истории Русского права. М., 1858; Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Соч. Ч. 1. М., 1858. С. 305–379.

Все три автора обозначили то направление, по которому пошло развитие властных отношений в России второй половины XV в., по сути, одинаково. По Лешкову оно состояло в «большем и постепенном» развитии «правительственного центра», что в сочетании с ростом городов, «расшатывало древнее земское здание Руси»⁵⁴. О том же самом, и почти теми же словами, писал Б.Н. Чичерин: «Как скоро явилась потребность общего союза, так государственные стремления из центра, из нашей Москвы, стали мало помалу распространяться к окружности, прибирая отдельные местности к общему сосредоточию, укрепляя к местам блуждающие лица. Образование государства – вот поворотная точка русской истории»⁵⁵. Причем Борис Николаевич счел нужным особо подчеркнуть, что «государство организовывалось сверху, действием правительства, а не самостоятельными усилиями граждан»⁵⁶. И практически то же самое мы встречаем у Кавелина: «В московской системе территориальное начало получило решительный перевес над личным. Кровные интересы уступают политическим; держава ее нераздельность и сила поставлены выше семьи»⁵⁷.

Но если содержание процесса в эволюции властных отношений второй половины XV в. (централизация) и вектор этого развития (от центра к окраинам) сомнений у историков права не вызывали, то в оценке собственно Ивана III и его властных действий они расходились. И расходились весьма существенно. Б.Н. Чичерин видел «в каждой области наших древних учреждений господство личной воли, неопределенность и шаткость всех гражданских отношений»⁵⁸. Он считал, что время «государственного порядка» еще не пришло, и писал, что в «словах Ивана III является отец семейства, вотчинник, для которого народ еще не существует...»⁵⁹

Кавелин же, признавая, что развитие государственных отношений «совершалось медленно»⁶⁰, считал, что в деятельности Ивана III просматриваются уже не столько семейные отношения, сколько государственные, устроенные «по византийскому образцу»⁶¹.

В сочинениях конца 1860-х гг., на наш взгляд был сделан довольно значительный шаг назад от уже достигнутого в анализе властных отношений середины – второй половины XV в. Если в книге «для народного чтения», написанной псевдонимным языком и изданной К.Н. Бестужевым-Рюминым в 1866 г. может быть и уместно было сводить всю полноту властных отношений к отношениям между великим князем и боярами⁶², то в научных трудах такое упрощение уже не позволительно. Тем не менее,

⁵⁴ Лешков В. И. Указ. соч. С. 595.

⁵⁵ Чичерин Б.И. Указ. соч. С. 380.

⁵⁶ Там же. С. 381.

⁵⁷ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 353.

⁵⁸ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 274.

⁵⁹ Там же. С. 276.

⁶⁰ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 355.

⁶¹ С Иоанна III московские государи принимают титул царя, усваивают многие принадлежности власти византийских императоров: герб двуглавого орла, регалии, венчание и помазание на царство; великокняжеский двор и придворные церемонии устраиваются по византийскому образцу. Самому ли Иоанну принадлежит первая мысль этих нововведений или она внушена ему супругой, греческой царевной Софьей – все равно. Они свидетельствуют, что прежние формы были недостаточны, узки, не выражали нового значения московского государя. Из-под великокняжеской вотчины проглядывало государство, отвлеченное нравственное лицо, имеющее свое физическое существование и самостоятельное, разумное значение (...) Начало подданства начинает сменять начало холопства; является понятие о государственной службе, о гражданстве, о равенстве перед судом (Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 354).

⁶² Умен и осторожен был великий князь Иван Васильевич: ни за какое дело не принимался он, не обдумав и не осмотрев его (...) Конечно, тогда были времена суровые, а потому он был строг в своих

Г. Карпов в монографии, посвященной московско-литовским отношениям писал: «По мере того, как государственный порядок брал всюду верх, этот порядок тронул и притязания князей, а потом и бояр. Они главным правом считали за собою управлять землею; Иван III во всех делах советовался с ними, он и всюду на первом месте; в совете они прямо высказывали свои мнения, и Иван Васильевич любил и жаловал тех, которые и против него говорили. Но первым делом было отнятие у князей права отъезда от себя (...) Чем далее дело шло, тем более князья начинали терять свое значение при усилении дьяков...»⁶³

И ту же мысль проводил в своей магистерской диссертации «О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории» Н.И. Хлебников. Исходя из постулата, сформулированного в духе Б.Н. Чичерина: «Удельная Русь до Ивана III не выработала никакой прочной государственной организации», он далее утверждал, что «московским государям предстояло распланировать общество в монархическом духе»⁶⁴, чему препятствовали «аристократические предания, полученные в наследство от древней Руси»⁶⁵. Соответственно, борьба с аристократическими традициями и формирование круга подвластных великому князю придворных и стало, по Хлебникову, вектором перемен во властной сфере.

Наиболее полно и отчетливо мысль о том, что Иван III не только не привнес ничего нового о властные отношения, но и всем силами препятствовал развитию этих отношений выразил И.Д. Беляев в книге, которую он писал все 60-е годы. Она была издана в 1905 г. под названием «Судьбы земщины и выборного начала на Руси». В этой книге проводится отчетливая мысль о том, что события вели страну к единодержавию, но сам Иван III этого как будто не замечал. «Сделавшись единодержавным властителем всей северо-восточной Руси, – писал Беляев, – Иван Васильевич, тем не менее, остался тем же великим князем, какими были его предки и все другие князья, так что, не смотря на единодержавие, при нем верховная власть князя несколько не увеличилась; присоединяя какое-либо владение к Москве, он оставлял в этом владении и все старые порядки, за немногими исключениями, вредившими единодержавию»⁶⁶. Никто, но до не после И.Д. Беляева не выставял Ивана III человеком не только не видевшим, куда идет развитие государства, но и всеми силами мешавшем объективному процессу государственного развития⁶⁷.

В 1870 г. в полемику с историками «государственной школы» по вопросу о формировании единодержавной монархии и соответственно пути ее развития в XV в., вступил Н.И. Костомаров. Он переработал и опубликовал в «Вестнике Европы» (как он сам пишет в своей автобиографии) материал «публичных лекций, читанных в клубе художников в 1869–1870 годах». Основную мысль статьи сам автор позже сформулировал так: «Я доказывал, что единодержавие у нас, как и везде в свете,

---

делах и речах и бояре начали его бояться (*Бестужев-Рюмин К.Н.* О том как росло Московское княжество и сделалось Русским царством. Спб., 1866. С. 85).

⁶³ Карпов Г. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462 – 1508. Ч. 1. М., 1867. С. 37.

⁶⁴ Хлебников Н. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. Спб., 1869. С. 9.

⁶⁵ Там же. С. 10.

⁶⁶ Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905. С. 70.

⁶⁷ В отношении к внутреннему управлению в самых Московских владениях и во внешних сношениях князь Иван Васильевич III также не изменял свое власти, она и при нем оставалась в тех границах, в каких была при его предках; дума бояр и при нем оставалась в прежних правах. Бояре свободно могли спорить и не соглашаться с его мнениями; он вовсе не касался прежних боярских прав и поддерживал старые порядки... Но при всем желании в.к. Ивана Васильевича III удерживать все старые порядки по самым обстоятельствам времени они должны были мало помалу ослабевать, вместе с единодержавием естественно должна была развиваться централизация... (Там же. С. 71–72).

явилось вследствие факта завоевания страны. Завоевателями нашими были татары – и первыми единоподержавными обладателями Русской земли и ее народа были татарские ханы. Тогда вместо общинного старинного быта, не прекратившегося в удельные времена при князьях Рюрикова дома и выражавшегося автономическим значением земель или городов, появился своеобразный феодализм. С падением могущества золотоордынских ханов роль единоподержавных обладателей стала переходить на их главнейших подручников – великих князей, которыми, по утверждению великокняжеского достоинства в Москве, делались один за другим князья московские, разрушая феодальные элементы и сосредоточивая верховную власть в одни руки»⁶⁸.

Статья вышла под названием «Начало единоподержавия в Древней Руси». Ключевым для понимания процесса становления государственной власти в Московской Руси является термин «судьба», используемых Костомаровым в таких рассуждениях: «Не видно, однако, чтоб московские князья, постепенно и последовательно усиливаясь, имели ясное сознание о создании единоподержавного государства. *Судьба вела их к этому* [здесь и ниже курсив мой – авт.]. Но сами они, сообразно понятиям, унаследованным от прародителей, долго смотрели на свои владения, как на вотчину» и «*Обстоятельства, к которым привела Русь вся ее предшествовавшая судьба*, были достаточны для возбуждения решительных стремлений к самодержавию без посторонних, чуждых влияний. Иван довершил то, что работали его прародители, хотя часто с смутным сознанием последствий своей работы»⁶⁹.

Близко к термину «судьба» у Костомарова стоят термины «обстоятельства», отмеченное выше и «призвание» во фразе: «Таким образом, Московская Земля была сосредоточена в одних руках, и в таком виде досталась сыну Василия Васильевича Темного, тому великому уму и деятельности Ивану, который принял на себя историческое призвание введения монархизма»⁷⁰. Помимо их общей метафоричности (и, если строго говорить, ненаучности), роднит эти термины то, что все они «обезличивают» деятельность князей. По Костомарову, властные отношения в московской Руси определялись общим вектором развития изначально заданным какой-то мощной силой (судьбой) и цепью хаотично складывающихся причинно-следственных связей (обстоятельствами), понять которые московским князьям было не дано. Оставалось лишь выдерживать заданное направление, с неизбежностью приводившее к формированию образовалось «государства с единоподержавным главою, состоящее из холопов»⁷¹.

При всех, отмеченных выше, издержках изложения концепции Н.И. Костомарова, ее необходимо признать оригинальной и стройной. В эти годы никто из историков и правоведов не предложил сколько-нибудь разработанной теории, отличающейся от тех, что были изложены С.М. Соловьевым, Б.Н. Чичериным и К.Д. Кавелиным, с одной стороны и Н.И. Костомаровым – с другой.

Н.П. Загоскин, пусть с оговорками, поддержал Костомарова: «Владычество татар способствовало развитию самодержавной власти государей Московских – об этом не может быть и спора – но оно способствовало только развитию ее, – сама же идея самодержавия государственной власти существовала в русской земле еще задолго до погрома татарскою»⁷². Воплощению этой древней идеи в конкретных формах, по его мнению, способствовали «византийская государственная традиция и воззрения

⁶⁸ Костомаров Н.И. Автобиография // http://www.ukrstor.com/ukrstor/kostomarov_avtobiografiya-x.html#_edn1.

⁶⁹ Он же. Начало единоподержавия в Древней Руси // Исторические монографии и исследования. Т. 12. Спб., 1872. С. 92 и 106–117.

⁷⁰ Там же. С. 93.

⁷¹ Там же. С. 105.

⁷² Загоскин Н.П. История права московского государства. Казань, 1877. С. 13.

греческого духовенства», многократно усилившиеся после брака Ивана III с Софьей Палеолог⁷³. Непосредственными же проявлениями утверждения монархического начала в Московской Руси он считал «преемство» престола «в порядке нисходящего первородства» и вошедший в «постоянное употребление» именно при Иване III «священный обряд венчания на престол»⁷⁴.

М.Ф. Владимирский-Буданов, в своей рецензии на книгу Загоскина критиковал его именно за непоследовательность и противоречивость взгляда на процесс становления государственности, выразившиеся в том, что по Загоскину «идея самодержавной власти» существовала задолго до татар, но смогла реализоваться только после свержения ига. Для того, чтобы снять противоречие он предложил разделить «формы верховной власти», появившиеся при Иване III и «права» на власть, представления о которых сложились еще в домонгольской Руси⁷⁵.

В.И. Сергеевич в лекциях по истории русского права, указал лишь на то, где в источниках мы «случайно» можем встретить «взгляды государей на власть». Применительно к Ивану III это летописно задокументированная история переговоров с Новгородом⁷⁶. У А.Д. Градовского мы находим мысль о том, что «новое развитие власти утверждалось постепенным закрепощением сословий»⁷⁷. В остальном его характеристика процесса становления государственной власти соответствует той, что ранее дал Б.Н. Чичерин⁷⁸.

В 1880-е годы прежняя картина доминирования государственной школы в характеристике процесса становления властных отношений в Московской Руси второй половине XV в. (при нарушителе общего спокойствия – Н.И. Костомарове) меняется. Происходит постепенное выделение отдельных позиций в характеристике власти московского государя и их более тщательное изучение. Но вопрос о преемственности властных традиций или же разрыве с ними по-прежнему занимает центральное место.

В 1881 г. вышла в свет монография В.О. Ключевского «Боярская дума Древней Руси», в которой вопрос о государственной власти рассматривался через призму отношений, как внутри боярского слоя, так и между боярами и государем. В характеристике Василия Осиповича властные отношений внутри правящего слоя до середины XV в. традиционны: «... вопрос о политических отношениях к князю, о власти независимо от службы еще не возбуждался. Московские бояре усиленно поддерживали своего князя в его стремлениях; князь делился с ними плодами своих успехов, награждая их за усердную службу почетом, влиянием, доходами, льготами; отдельные личные отношения решались, по-прежнему, разрывом отношений, боярским отъездом»⁷⁹. С середины XV в., по мнению В.О. Ключевского, характер властных отношений меняется. Вызвано это не влиянием Софьи и не стремлением подражать Византии, а куда более объективным процессом: «Прилив новых слуг в Москву целыми массами с половины XV в. возбудил в служилой среде множество казуистических вопросов, без которых обходилось московское боярство прежде при своем простом

⁷³ Там же. С. 13 и 14.

⁷⁴ Там же. С. 156 и 172.

⁷⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Рецензия на книгу Загоскина: История права Московского государства. Киев, 1877. С. 5.

⁷⁶ Сергеевич В.И. История русского права. Лекции в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1877. С. 157.

⁷⁷ Градовский А. Д. История русского права. II класса Императорского. Александровского лицея. 1877–1878. СПб., Б.д. С. 162.

⁷⁸ «В этот период все переменялось, явились новые законы, но много еще коренилось на обычаях, таковы, между прочим. гражданские законы, но уже сами обычаи нуждаются в подтверждении княжеской власти. Отношения наместников и волостителей определяются княжескими уставами, князь берет под свою защиту пошлину, обычаи» (Там же).

⁷⁹ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси.. Добрые люди Древней Руси. М., 1994. С. 206.

составе. Все эти вопросы касались того, как разместиться на московской иерархической лестнице, в государственном управлении и за великокняжеским столом...»⁸⁰. Но труд Ключевского был посвящен вопросам смежным с интересующей нас проблематикой. В нем содержится не более чем намек на возможность формализации властных отношений и на новой социальной основе, формирующейся во второй половине XV в.

В соответствии с той точкой зрения, которую отстаивали К.Н. Бестужев-Рюмин и Д.И. Иловайский, Иван III, «завершая собой один период русской истории» и «открывая другой»⁸¹, тем не менее, следовал вектору развития властных отношений, сформированному несколькими поколениями правителей Москвы предками. У Бестужева-Рюмина эта позиция заявлена резко и недвусмысленно: «Иоанн Васильевич, принимая правление по смерти отца своего, не был уже человеком новым, ибо Василий Темный еще при жизни провозгласил его соправителем. Таким образом, в начале нового правления не произошло никакой перемены в политике, а продолжалась старая система медленного уничтожения самостоятельности вечевых общин и удельных князей»⁸². У Иловайского эта же точка зрения выражена мягче, с акцентом на переходный характер великокняжеской власти в эту эпоху: «Иван III является самым крупным из собирателей Восточной Руси и почти завершителем ее собирания (...) В то же время Иван III представляется нам начинателем Московско-Царского периода русской истории, основателем того истинно государственного строя, которому отныне подчинилась вся Русская земля и которому она обязана своим последующим величием»⁸³.

Примечательно, что оба автора выделяют, в качестве новых явлений во властных отношениях, лишь элементы оформления власти: «обхождение с боярами как с подданными» у Иловайского⁸⁴ и «царское величие», со всеми его атрибутами у Бестужева-Рюмина⁸⁵, «украшение столицы» – у обоих⁸⁶. А вот в отношении Софьи и ее влияния на то, как менялся характер и оформление власти, под ее влиянием (и менялся ли вообще), эти два автора во мнениях разошлись. Бестужев-Рюмин (ссылаясь на Герберштейна и Курбского) считал это влияние несомненным и значительным⁸⁷, Иловайский же ограничивал это влияние вопросом престолонаследия, а все перемены, произошедшие в период правления Ивана III, выводил «из предыдущей истории, нравов той эпохи и личного его характера»⁸⁸.

Мнение, абсолютно противоположное только что изложенным, было высказано в хрестоматии по русской истории, подготовленной Я.Я. Гуревичем и Б.А. Павловичем. Авторы отрицали не только преемственность в развитии властных отношений, но и саму возможность последовательного их развития в этот период: «Московское правительство, сознав известную нужду административного строительства, хваталось

⁸⁰ Там же. С. 211.

⁸¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1885. С. 143.

⁸² Там же. 144–145.

⁸³ *Иловайский Д.И.* История России. Т. 2. М., 1884. С. 528.

⁸⁴ Там же. С. 503.

⁸⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С. 159.

⁸⁶ «Заботы монархов об украшении и распространении своей столицы суть общее явление в истории и Иван III, естественно, хлопотал о возведении прочных красивых зданий в своем стольном городе и об его лучшем украшении» (*Иловайский Д.И.* Указ соч. С. 487).

«Окружая себя царским величием, Иоанн задумал украсить свою столицу» (*Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С. 159).

⁸⁷ «Довершая дело своих предшественников, уничтожая самостоятельность общин и удельных князей, Иоанн создавал Московское государство. На форму этого государства и на всю внешнюю обстановку власти имел важное влияние второй брак Иоанна с Софией (...) принесшею в Москву обычаи и предания Византийской империи. (*Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С. 156).

⁸⁸ *Иловайский Д.И.* Указ соч. С. 503.

за первое попавшееся под руку орудие для выполнения нужного дела. (...) Это была безобразная, необычайно громоздкая и чрезвычайно малопроизводительная административная машина, пользование которой было возможно лишь при тягучем темпе московской общественной и государственной жизни»⁸⁹.

Ярых сторонников среди историков и правоведов эта заведомо полемическая позиция не нашла. Более серьезным и важным для понимания характера властных отношений в рассматриваемую эпоху, стало мнение, по разному, но в одном ключе высказанное Д.Я. Самоквасовым, А.В. Романовичем-Славатинским и М.А. Дьяконовым. Именно эти авторы, по нашему мнению, совершили определенный «прорыв» в характеристике властных отношений, прорыв, позволивший отойти от влияния 2государственной школы». Произошло это потому, что большинство авторов середины XIX в. читали общие курсы по истории и юриспруденции, не вдаваясь в изучение отдельных периодов и узких тем, а те историки, о которых сейчас пойдет речь, подготовили специальные исследования по развитию права (Романович-Славатинский) и, что очень важно, по властным отношениям на Руси (Самоквасов) и непосредственно в Москве (Дьяконов).

Д.Я. Самоквасов писал почти о том же, о чем и Бестужев-Рюмин, и почти теми же словами: «Соединив в своих руках власть над удельными княжествами, соперничавшими за родовое старшинство, освободив Россию от татарской зависимости и возвысив власть великого и князя России на степень неограниченного государя самодержца, Иван Васильевич III искал средств предупредить возможность повторения в будущем раздробления политической силы русской земли и упрочить государственную силу России. Такое средство Иван III нашел в развитии, узаконении и проведении в жизнь государственной его прадедом, Дмитрием Ивановичем Донским»⁹⁰. Но разница между его оценками и взглядами Бестужева-Рюмина принципиальна. Бестужев-Рюмин и Иловайский настаивали на *продолжении властной традиции*, Самоквасов же писал о *развитии ее в новых условиях независимости и самодержавия*. Развитие это он видит, прежде всего, в том, что «произвол», то есть ничем не ограниченная воля государя теперь становится базовой чертой новых властных отношений⁹¹.

Романович-Славатинский идет дальше и заявляет о становлении, в период правления Ивана III, новой по всем параметрам власти, не совпадающей с прежней системой властных отношений, но выражающей «идеальное народное воззрение на царя, выработанное великорусским племенем»⁹². Это система самодержавного правления, персонифицированного в образе царя. Формировал ее Иван III следующим образом: «Он принимает титул царя, организует царскую власть по типу императоров византийских; усваивает регалии их, венчание и помазание на царство; княжеский двор, придворный церемониал, устраиваются также по византийскому образцу. Церковь, в лице митрополитов московских, освящает власть царя. Устройство государства проникается началом самодержавия: служилый класс делается холопами московского царя»⁹³.

⁸⁹ Гуревич Я.Г. Характеристика законодательства и управления в Московской Руси // Историческая хрестоматия по русской истории. Спб., 1881. Ч. 2. (Отдельный оттиск).

⁹⁰ Самоквасов Д.Я. Главнейшие моменты в государственном Развитии Древней Руси и происхождение Московского государства. Варшава, 1886. С. 25.

⁹¹ «Ограничить право законного престолонаследия членами семьи Государя, означало установить право назначения наследника волею Государя, потому что по семейному праву древней Руси отец семейства имел право распоряжаться уделами детей по своему произволу» (Там же. С. 26).

⁹² Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Киев, 1885. С. 51.

⁹³ Там же.

Эту же точку зрения в своей магистерской диссертации «Власть московских государей» отстаивал М.А. Дьяконов. По его мнению «исходным моментом» в становлении власти московских государей стала «теория о православном русском царстве», которая сформировалась в конце XV – начале XVI вв. и «легла в основу национального политического самосознания»⁹⁴. Главным инструментом перехода от традиционных отношений во власти к новым, формируемым по образцу «второго Рима», по Дьяконову стал «поворот от поддержки права отъезда, который использовали для привлечения служилых людей в Москву, к запрету отъезжать из московских владений»⁹⁵. Поворот этот совершился именно в правление Ивана III. Тогда же было найдено «мерило» для оформления власти московского государства в отношении с другими монархами и выработано оно было при сочетании двух политических идей: «идеи о родословности государя и идеи о высоте принадлежавшей ему власти»⁹⁶.

Подробную характеристику «форм власти» Московского государства (применительно к XIV – XVI вв.) дал в своем «Обзоре истории русского права» М.Ф. Владимирский-Буданов. Собственно, «форм» он выделяет три: «великий князь (царь)»; «боярская дума» и «земские соборы». Последняя из названных форм в интересующий нас период не существовала. Что же касается «боярской думы», то Владимирский-Буданов специально оговаривает, что в XIV – XV вв. «замечается бытовое совпадение деятельности думы с действиями княжеской власти, основанное на единстве интересов»⁹⁷. Соответственно, в качестве самостоятельной формы власти остается власть «верховная» или великокняжеская.

Характеристику этой формы власти Владимирский-Буданов разбивает на две части. Первая часть названа им «Великий князь и царь» (то есть, по существу, не названа никак). Здесь автор рассматривает формальные признаки великокняжеской власти, то есть те, что составляют сферу ее легитимности. Он отмечал, что в эпоху Ивана III «окончательно» вошел в употребление титул «великий князь Всея Руси» для внешних сношений и «Божиею милостию» великий князь – для «внутреннего управления»⁹⁸; применялось «наследование по закону», совмещенное с «наследованием по завещанию»⁹⁹; в качестве форм «утверждения власти» назвал «крестное целование (присягу)». Кроме того, автор особо отмечает «религиозные обряды», легитимизирующие переход властных полномочий к новому правителю и, соответственно, венчание на великое княжение, впервые введенное Иваном III¹⁰⁰.

Название второй части характеристики верховной власти уже в полной мере отражает ее содержание: «Права великого князя и царя». Начиная с определения власти как «единодержавной» (то есть единоличной) и «самодержавной» (что точно соответствует определению, данному еще С.М. Соловьевым), при которой верховной власти принадлежит «неограниченная полнота прав»¹⁰¹, Владимирский-Буданов выделяет четыре сферы прав великого князя. Первая сфера – «по отношению к церкви (теократический характер государства)». Здесь автор отмечает, что во второй половине XV в. «государство берет перевес над церковью», что выразилось, в частности, в том, что все церковные лица считались «подданными великого князя»¹⁰². Вторая сфера: «по

⁹⁴ Дьяконов М. Власть московских государей. СПб., 1889. С. 78 и 91. На с. 128 и 134 он также называет эту теорию «теократическим абсолютизмом».

⁹⁵ Там же С. 182.

⁹⁶ Там же. С. 146.

⁹⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 177.

⁹⁸ Там же. С. 168.

⁹⁹ Там же. С. 170.

¹⁰⁰ Там же. С. 173.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. С. 174

отношению к территории». Так называемый «вотчинный характер государства», характеризуется им в духе государственной школы (и с прямой ссылкой на мнения С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, и с добавлением к ним, в качестве альтернативы, Н.И. Костомарова), как «распоряжение путем частных сделок государственными правами»¹⁰³. Третья сфера – «по отношению к населению» – имеет «патриархальный характер, т.е. истекает из древних оснований власти домовладыки и отца»¹⁰⁴. Что же касается четвертой сферы: «по отношению к самой власти», то в характеристике Владимирского-Буданова, это право «отречься от власти» ко времени Ивана III отношения не имеет.

Таким образом, В.О. Ключевский в 1881 г. указал на возможность, а М.Ф. Владимирский-Буданов в 1886 г. предпринял первую масштабную попытку *формализовать характеристику властных отношений*, разделив власть московского государя на ритуальную и сущностную составляющие, а те, в свою очередь, на отдельные элементы, оформляющие власть и составляющие ее содержание, в отношениях с разными слоями населения. К сожалению, эта характеристика была дана обобщенно для большой эпохи XIV – XVI вв. (с экскурсом и в XVII в.) и выделить в ней «пласт», соотносимый со временем Ивана III крайне сложно, а подчас невозможно. Тем не менее, сам подход к характеристике властных отношений, как нам представляется, чрезвычайно плодотворен. Что же касается сущностной характеристики власти, то Владимирский-Буданов, будучи правоведом, а не историком, в своих оценках вынужден был опираться на авторитет крупнейших исследователей, и был зависим от господствующих теорий его времени, в самой большой степени – от концепций историков «государственной школы».

На наш взгляд, труды Ключевского, Владимирского-Буданова, а также специальное исследование власти в Московском государстве, проведенное Дьяконовым, оказало самое существенное влияние на дальнейшую историографию. В 1890-е гг. мнение о том, что властные отношения, складывающиеся в период правления Ивана III – это в большей степени разрыв с предшествующей традицией, чем ее продолжение, находит свое отражение в учебной литературе (где трудно спорить с авторитетом Иловайского) и становится доминирующим в научной. Соответственно, значительно более важным видится и влияние византийской традиции на властные отношения Московского государства, и роль Софьи в их распространении.

П.Н. Полевой в учебном курсе по русской истории высказал это мнение в максимально упрощенном виде (что объясняется характером издания): «Иван III, вступив в супружество с последнею из византийских царевен, соединил древний герб Московского княжества с гербом Византийской империи, как бы указывая на то, что православные великие князья Московские являются прямыми наследниками славы и величия православных греческих императоров. Такое высокое понятие о значении Московского великого князя, – как защитника православной веры и могущественного государя, – побудило Иоанна III к тому, что он отдалился от князей и бояр, ввел строгое чиновначалие среди московских царедворцев и окружил себя блеском и великолепием»¹⁰⁵. Такую же характеристику, чуть более распространенную, дал изменениям во властной сфере в период правления Ивана III В.А. Абаза¹⁰⁶.

¹⁰³ Там же. С. 176.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Полевой П.Н. Русская история для мужских средних учебных заведений. Курс систематический. СПб., 1890. С. 90.

¹⁰⁶ «Иоанн III был самым сильным из князей северной Руси и один между ними носил название великий князь. Но еще живы были некоторые предания и обычаи старины: название великий князь означало лишь князя старшего в роде княжеском и не обладало особо великого князя тем царственным положением, при котором родичи уже не считали бы за собою права обходиться с ним по-родственному, коротко: бояре и

П.Н. Милуков, в своих «Очерках по истории русской культуры» первым в числе пяти периодов российской истории, в течение которых страна переживала «коренную ломку во всем строе своего государственного управления» называет 1490-е гг.¹⁰⁷ Черты этой «коренной ломки» он видит в отрыве «государственного управления» от «дворцового хозяйства»; наполнении «государева двора» детьми боярскими «навербованными из городов»; переводе «центральных учреждений» присоединенных областей в Москву; проведении ряда централизованных реформ: введении ямской подати, переписи земель и «введение в них однообразной московской финансовой единицы – московской сохи»¹⁰⁸.

В трудах значительной части историков начала XX в. продолжалось обсуждение тех же самых вопросов, которые остались «недообсужденными» в прошедшем веке. Так, профессор Харьковского университета В.И. Савва в своей книге «Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей», доказывал, что влияние Софьи и византийских порядков на характер властных отношений в Московской Руси конца XV в. в отечественной историографии очень сильно преувеличено¹⁰⁹. Строго противоположную точку зрения отстаивал А.Н. Филлипов: «Но если еще можно допустить, что владычество татар укрепило несколько развитие единой самодержавной власти, то сама идея ее появилась у нас задолго до татарского нашествия, и все ее обоснование строилось в Москве всегда по началам Византийским. ... Византия всегда была для Руси источником высшего знания, и отсюда приходила теория, на подмогу жизненным фактам»¹¹⁰.

В.И. Грибовский следовал теории «закрепощения сословий», актуальность которой была исчерпана уже в 1860-е гг. и считал, что главным новшеством во властных отношениях стало утверждение «нравственного характера» во взаимных обязательствах великого князя и служащих ему бояр¹¹¹. И.Е. Забелин практически повторил мысль, высказанную ранее Романовичем-Славатиным о том, что перемены во властных отношениях Московской Руси второй половины XV в. были отражением давно созревших в народе монархических идей¹¹². Д.И. Багалеи, напротив, дал

другие члены дружины еще сохраняли право отъезда, и хотя право это на деле уже дожило до конца, тем не менее, подавало боярам повод считать себя по старине непременно советниками великого князя, которые когда-то могли ему говорить: *ты князь сам собою это замыслил, так не поедем за тобой*. Иоанну никто не мог противиться, но остатки старины не нравились великой княгине Софье, племяннице греческого императора, и мешали утвердиться крепкому самодержавию. После нового брака Иоанна, родичи и бояре увидели большую перемену в его обхождении с ними: он заставил их держаться от него в почтительном отдалении, требовал от них повиновения беспрекословного, строго их наказывал за непослушание» (*Абаза В.А.* История России. СПб., 1893. С. 90–91).

¹⁰⁷ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1896. С. 116.

¹⁰⁸ Там же. С. 147–149.

¹⁰⁹ Вывод автора: «Пересматривая доказательства, которые представлялись московскими государями в пользу прав их на царский титул, не видим данных, которые свидетельствовали бы, что государи эти смотрели на себя как на преемников византийских императоров и на этом преемстве основывали право свое на царский титул. В доказательство прав своих на этот титул московские государи ссылались, во-первых, на царское венчание Владимира св. и Владимира Мономаха, и во-вторых, на обладание царствами казанским, астраханским и сибирским...» (*Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 400).

¹¹⁰ Филлипов А.Н. Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев, 1912. С. 360.

¹¹¹ Грибовский В.М. Государственное устройство и управление в Российской империи. Одесса, 1912. С. 6 и 7.

¹¹² «... народное единение, политическое единодержавие уже существовало в народных умах гораздо прежде, чем начал свои подвиги в этом направлении сам единодержец или государь самодержец Великий князь. Ему оставалось только идти за общим направлением народных умов. Так и шел

характеристику Ивану III, как человеку, практически ничего не сделавшему для перемен во властных отношениях, столь часто повторяемую еще в 1860-х гг.: «Деятельность Иоанна III имеет, конечно, более значения, чем деятельность каждого из его предшественников в отдельности, но лично ему принадлежит немного: он не указал новых путей, а шел по дороге, проторенной его предками. Хотя, как политик он имел несомненный успех, но как человек, в нравственном отношении он не удовлетворяет требованиям своего времени»¹¹³. Строго противоположный взгляд на деятельность Ивана III, как на «создателя Московского государства», высказал в своем учебнике С.Ф. Платонов¹¹⁴.

А.Н. Пыпин, перечислив «внутренние» причины эволюции властных отношений (ослабление орды, присоединение удельных княжеств и Новгорода) и указав на причины «внешние» (завоевание турками Константинополя и женитьба Ивана III на Софье Палеолог) сделал вывод о преемственности власти московского великого князя по отношению ко многим поколениям предков¹¹⁵. Новшеством он счел добавление к уже имевшимся властным традициям элементов идеологического оформления единодержавности, в появившихся в то время «Сказании о Мономаховом венце», «Сказании о Вавилонском царстве» и других литературных произведениях той эпохи.

Своеобразным соединением взглядов, высказанных Филлитовым и Пыпиным (и значительным шагом вперед, по отношению к XIX в.), стала позиция, занятая М.К. Любавским. Видя в Иване III подлинного реформатора властных отношений, пришедшего к идее единодержавия «под влиянием горького опыта, пережитого в юности»¹¹⁶, автор утверждал, что использование византийских образцов давало возможность быстро и легко внедрить необходимые идеи самодержавия в сознание, как элиты, так и масс: «Итак, великий князь Московский сделался государем всея Руси. ... Это была естественная психологическая эволюция, порожденная политическим объединением Великой Руси под его властью. ... Высоко смотря на свою власть, сознавая себя большим государем, великий князь Московский счел нужным передать эту власть своему наследнику торжественно, короновать его по примеру греч царей и всех вообще великих монархов. ... Дело не ограничилось одними внешностями – титулом, придворною церемониальностью. Византийская идея имела известное внутреннее содержание: с нею связывалось представление не только о внешнем могуществе и независимости но и о полноте и неограниченности власти, происшедшей

праправнук Калиты, Третий по имени Иван (Васильевич)» (Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1902. С. 111–112).

¹¹³ Багалей Д.И. Русская история Ч. 2. Вып. 1. Харьков, 1911. С. 203.

¹¹⁴ «...окруженный такими же, как он сам, владетелями, Иван был одним из многих удельных князей, хотя бы и самым сильным; теперь, уничтожив этих князей, он превратился в единого государя целой народности. ... везде и во всем Иван проводил взгляд на великого князя, как на единодержавного и самодержавного монарха, которому одинаково подчинены как его служилые князья, так и простые слуги. Новая мысль о народном единодержавном государе вела к переменам в дворцовой жизни, к установлению придворного этикета ... к усвоению разных эмблем и знаков, выражавшем понятие о высоком достоинстве великокняжеской власти. Так вместе с объединением Северной Руси совершалось превращение московского удельного князя в государя-самодержца всей Руси. ... С полным правом поэтому Ивана III можно назвать создателем Московского государства» (Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Изд. 10-е. Пг., 1917. С. 155–157).

¹¹⁵ «В параллель и в дополнение ко всему этому, самые внутренние отношения московской власти все больше изменялись в смысле единодержавия и самодержавия. Московский великий князь еще за несколько поколений раньше высказывал себя почти абсолютным государем... Фактически он готов был стать царем; требовалось только официальное заявление, церковное посвящение и историческое оправдание» (Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. 2. Спб., 1911. С. 22–23).

¹¹⁶ Любавский М.К. Древняя история до конца XVI в. М., 1918. С. 223.

от бога и ни перед кем, кроме бога не ответственной. Это предоставление и стали пропагандировать московское духовенство и книжники конца XV и начала XVI в.»¹¹⁷.

Возможность отойти от заводивших в тупик споров о «византийском наследстве» во властных отношениях и многократно повторяемых рассуждений о том, был ли Иван III продолжателем традиций своих предков или новатором предоставил В.О.Ключевский. Вторая часть его «Курса русской истории» вышла из печати в 1906 г., но фактом отечественной историографии этот курс стал еще до начала XX в. В XXV лекции курса автор назвал «основным фактом» того периода русской истории, который «начинается «со вступления Ивана III на великокняжеский стол в 1462 г. и продолжается до начала XVII в.» то, что «завершение территориального собирания северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство»¹¹⁸. Тем самым вопрос о характере властных отношений был «пересажен» Ключевским на объективную почву исторического процесса, определяемого не субъективной волей того или иного лица, но процессами, охватывающими экономические, социальные, внутри – и внешнеполитические отношения. Политическим выражением этого процесса Ключевский считал стремление к объединению всех русских земель под властью Москвы, базирующееся на формирующейся в то время «идее национального государства», которая «возникает и усиленно разрабатывается, прежде всего, в московской правительственной среде»¹¹⁹. Ключевский очень ясно пишет о том как тяжело проходил поиск новых форм властных отношений¹²⁰.

Женитьба Ивана III на Софье Палеолог¹²¹, принятие нового титула «государь Всея Руси», разработка «генеалогии Рюрика», выдвижение на первый план отечественной истории Владимира Мономаха, идея божественного происхождения власти – все это примеры поиска нового оформления властных отношений, «увязанные» Ключевским в одну прочную цепочку. Что же касается характера того процесса, который происходил во властных отношениях периода преобразования великого княжество в государства, то здесь Ключевский выразился крайне определенно: «Страна, населенная целым народом, для которого она стала отечеством, соединившись по одной власти, не могла оставаться вотчиной собственностью этих носителей власти. В Москве заявляли притязание на всю русскую землю как на целый народ во имя государственного начала, а обладать ею хотели как отчиной на частном удельном праве. В этом состояло внутреннее противоречие того объединительного дела, которое с таким видимым успехом довершали Иван III и его преемник. Иван III, первый из московских князей, громко объявлявший всю русскую землю своей вотчиной, кажется, чувствовал это противоречие и искал из него выхода, усиливаясь согласовать свою вотчинную власть с требованиями изменившегося положения»¹²².

Новации, менявшие характер «вотчинной власти» великого князя Московского Ключевский находил во многих сферах: прежде всего в идеологической, затем в порядке престолонаследия, в трансформации завещательных принципов в пользу

¹¹⁷ Там же. С. 225 и 231.

¹¹⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II. // Соч. в 9 тт. Т. 2. М., 1988. С. 99 и 107.

¹¹⁹ Там же. С. 109.

¹²⁰ «Новая идея развивалась туго, долго оставаясь в фазе смутного помысла или шаткого настроения. ... Почувствовав себя в новом положении, но еще не отдавая себе ясного отчета в своем новом значении, московская государственная власть ощупью искала дома и на стороне форм, которые бы соответствовали этому положению, и, уже облекшись в эти формы, старались с их помощью уяснить себе свое новое положение» (Там же. С. 112–113).

¹²¹ «Ей [Софье – авт.] нельзя отказать во влиянии [на декоративную обстановку и закулисную жизнь московского двора ... но на политические дела она могла действовать только внушениями, вторившими тайным или смутным помыслам самого Ивана» (Там же. С. 114).

¹²² Там же. С. 120.

престолонаследника и в ущерб всем остальным родственникам великого князя, в резком усилении финансовых и судебных полномочий великого князя, в сокращении количества уделов. Единственная сфера, в которой до конца XV в. Ключевский не нашел сколько-нибудь существенных перемен – это сфера «отношений московского общества к своему государю». По мнению автора, даже в начале XVI в., когда в придворных кругах уже царила идея божественности государственной власти, в народе (в самом широком смысле этого слова, включая и служилые круги) еще действовала инерция древних отношений и «еще не заметно было следов того почитания, своего рода культа, которым впоследствии был окружен московский государь»¹²³.

Еще одну возможность оторваться от чисто юридических и ритуальных аспектов властных отношений предоставили работы Н.П. Павлова-Сильванского, вышедшие в конце 1890-х и в 1900-х гг. Они были посвящены социально-экономическим процессам, в которых автор отмечал черты феодализма, родственного европейскому. В его характеристике Иван III предстает борцом с феодальными обычаями «удельной Руси XIII – XV столетий»¹²⁴. Опираясь на разработки В.О. Ключевского и со ссылкой на них, автор утверждает, что Иван III ««переставлял старые обычаи», создавая единовластное Московское царство на почве феодального многовластия»¹²⁵. В своем критическом очерке на работы Павлова-Сильванского, вышедшие из печати в виде отдельных статей, профессор Ф.В. Тарановский значительно усилил политический аспект действий Ивана III и Василия III: «Боярские вольности удельного периода настолько внедрились в правосознание, что московские великие князья не в силах были общим указом устранить это вытекавшее из старых вольностей начало связанности власти правом. Они ломали его по частям и действовали так непрерывно, пока их насилие не превратилось в обычай и не стало московской стариной, воспитавшей новое правосознание»¹²⁶.

Влияние В.О. Ключевского заметно (да и не скрывается) в курсе М.А. Дьяконова «Очерки общественного и государственного строя Древней Руси». Заглавная идея (применительно к интересующей нас теме), здесь, безусловна та же, что и в магистерской диссертации. Сформулирована она так: «...идеология самодержавия зародилась в церковной среде. Первые сочинения с апологией самодержавия это Послание Вассиана на Угру и объяснение Пасхалии митрополита¹²⁷ Зосимы. Естественно, что образцом выступает византийская монархия...» Схема Дьяконова более умозрительна чем у Ключевского потому, что Иван III у него следует «политическим идеям»¹²⁸, в то время как у Ключевского к переменам во властных отношениях подталкивали новые реалии, возникающие как следствие перехода процесса объединения земель в новое качество – создание национального государства. А вот в чем Дьяконов открыто следует за Ключевским, так это в оценке главной проблемы властных отношений второй половины XV века: «В области внутренней политики московские государи одинаково стремятся осуществить теорию теократического абсолютизма. ... Но при всем том нельзя утверждать, московским государям удалось осуществить идеал неограниченной самодержавной власти. ... как правильно замечено (проф. Ключевским), могущество этой власти сказывалось в отношении к людям, а не к существующему порядку. Порядок, учреждения стояли под

¹²³ Там же. С. 128.

¹²⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 482.

¹²⁵ Там же. С. 476.

¹²⁶ Тарановский Ф.В. Феодализм в России. Критический очерк. Варшава, 1902. С. 39–40.

¹²⁷ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Спб., 1910. С. 418.

¹²⁸ «Все эти новые полит доктрины и теории задавали московскому правительству новые трудные задачи, кот оно по мере сил стремилось осуществить, хотя и не без серьезных колебаний и отступлений. Уже Иван III стремился бережно охранять независимость и полноту своей власти» (Там же. С. 420).

защитой старины, старых обычаев и считались неприкосновенными ни для чьей воли. Московским государям предстояло перестроить весь старый порядок. Они и делают это, но делают не открыто, не путем общих предписаний, а медленным путем частных мер, облекая все новшества покровом фиктивной старины. Под фикцией старины проводится и совершенно новый идеал самодержавного царства»¹²⁹.

Н.А. Рожков, приняв тезис Ключевского о роли процесса собирания земель в тех переменах, которые происходили во властной сфере, приходил к диаметрально противоположным (по отношению к Дьяконову) выводам. Во-первых, он не видел во времени Ивана III сколько-нибудь заметного поворота к качественно новому состоянию общества, выделяя в качестве удельного периода XIII – первой половины XVI вв.¹³⁰ Во-вторых, он полностью отверг идею Дьяконова о первенстве политических идей по отношению к проводимым в стране преобразованиям: «...примыслы, договоры и завещания совокупным своим действием привели к тому, что к концу удельного периода Северо-восточная Русь оказалась собранной воедино, сложилась в так называемое Московское государство, но этот процесс образования нового политического организма происходил вовсе не под – влиянием перемен в политическом сознании, не под влиянием зарождения идей о государстве, как союзе обществ господства, имевшего в виду интересы общего блага, – такой идеи еще не было: она образовалась лишь вслед затем, как политическая действительность создала для нее реальный фундамент»¹³¹. В-третьих, он видел перемены не столько во внутренних отношениях, сколько в отношениях с другими странами и народами¹³², и в новом оформлении власти великого князя, в том, что он называл «придворной обстановкой»¹³³.

Если же попытаться выделить некую умозрительную «среднюю составляющую» воззрений отечественных историков начала XX в. на то, каковы были властные отношения на Руси во времена Ивана III, то здесь как нельзя лучше подойдет сочинение М.В. Довнар-Запольского «Пособие по истории Московского периода». Здесь мы встречаем положение «государственной школы» о том, что «...власть в московском периоде носила характер частно-правовой: носитель власти является лишь «хозяином» своих владений»¹³⁴. Далее, автор склоняется к той точке зрения, что: «со времен Иоанна III сказываются заметные перемены в социально-политическом отношении»¹³⁵. Главная перемена во-властных отношениях состояла в том, что в это время новый характер принимает взаимодействие высшей власти и «вольных слуг» (бояр), которые «прикрепляются к великому княжеству московскому»¹³⁶. Эта перемена стала возможной потому, что на Руси утвердилась новая политическая доктрина: «стремление расширить власть великого князя и поставить ее на недостижимую высоту», что являлось первым шагом к утверждению в стране «тенденций абсолютизма»¹³⁷. А сама возможность появления новых тенденций к абсолютизму

¹²⁹ Там же. С. 426–427.

¹³⁰ Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1905. С. 181.

¹³¹ Там же. С. 183.

¹³² «...главные свидетельства того, что с политическим объединением великорусского племени прежние личные, частные мотивы ... политики отступают на задний план перед новыми, национальными задачами находятся в сфере внешней политики. Это освобождение от ига, охрана южных и восточных пределов и задача объединения всей русской народности под властью великого князя московского» (Там же. С. 192).

¹³³ Там же. С. 185.

¹³⁴ Довнар-Запольский М.В. Пособие по истории Московского периода. Киев, 1912. С. 42.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. С. 43.

¹³⁷ Там же. С. 44.

непосредственно вытекала из стремления к «единству Руси». Женитьба на Софье была лишь «случайным обстоятельством», которое способствовало оформлению нового характера власти, но никак не вызывало их.

Таким образом, можно утверждать, что в первые десятилетия XX в., в характеристике властных отношений Московской Руси второй половины XV в., наиболее востребованными были взгляды «государственной школы» (воспринятые через призму воззрений М.Ф. Владимирского-Буданова), В.О. Ключевского и М.А. Дьяконова. Тематика властных отношений рассматривалась, в первую очередь, в отношениях: великий князь – бояре и великий князь – православное духовенство. Были высказаны два подхода к тому, что лежало в основе перемен во властных отношениях (политические идеи или потребности управления), но то, что базовым условием перемен стала постепенная трансформация вотчинных отношений в государственные (под влиянием процесса «собираания земель») не подвергалось сомнению. Заметно изменилась характеристика влияния Софьи и византийских образцов на характер властных отношений. Теперь их чаще относили к факторам, влиявшим на оформление властных отношений, но не на их содержание. Авторы стремились к отдельной характеристике внутри – и внешнеполитических процессов, проходивших во властной сфере, отмечая, что во внешней политике они заметнее.

Список литературы

1. *Багалея Д.И.* Русская история Ч. 2. Вып. 1. Харьков, 1911.
2. *Беляев И.Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905.
3. *Бестужев-Рюмин К.Н.* О том как росло Московское княжество и сделалось Русским царством. Спб., 1866.
4. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1885.
5. *Болтин И.Н.* Примечания на историю древней и нынешней России Г. Леклерка. Т. 1. Б. м., 1788.
6. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995.
7. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Рецензия на книгу Загоскина: История права Московского государства. Киев, 1877.
8. *Глинка С.Н.* Русская история. Ч. 4. Изд. 3-е. М., 1823.
9. *Градовский А.Д.* История русского права II класса Императорского Александровского лицея. 1877–1878. СПб., Б.д.
10. *Грибовский В.М.* Государственное устройство и управление в Российской империи. Одесса, 1912.
11. *Гуревич Я.Г.* Характеристика законодательства и управления в Московской Руси // Историческая хрестоматия по русской истории. Ч. 2. СПб., 1881. (Отдельный оттиск).
12. *Довнар-Запольский М.В.* Пособие по истории Московского периода. Киев, 1912.
13. *Дьяконов М.* Власть московских государей. СПб., 1889.
14. *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1910.
15. *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1902.
16. *Загоскин Н.П.* История права московского государства. Казань, 1877.
17. *Иловайский Д.И.* История России. Т. 2. М., 1884.
18. *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт Древней России // Соч. Ч. 1. М., 1858. С. 305–379.
19. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 6. М., 1998.
20. *Карпов Г.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508. Ч. 1. М., 1867.

21. *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1994.
22. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. II. // Соч. в 9 тт. Т. 2. М., 1988.
23. *Костомаров Н.И.* Автобиография // http://www.ukrstor.com/ukrstor/kostomarov_avtobiografiya-x.html#_edn1.
24. *Костомаров Н.И.* Начало единодержавия в Древней Руси. // Исторические монографии и исследования. Т. 12. СПб., 1872. С. 1–152.
25. *Лешков В.И.* История русского общественного права до 18 в. М., 1858.
26. *Ломоносов М.В.* Краткий российский летописец с родословием // ПСС. Т.6. Труды по русской истории. М.-Л., 1952. С. 318.
27. *Любавский М.К.* Древняя история до конца XVI в. М., 1918.
28. *Манкиев А.Я.* Ядро российской истории М., 1770.
29. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1896. С. 116.
30. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988.
31. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Изд. 10-е. Пг., 1917.
32. *Погодин М.П.* О Москве. М., 1837.
33. *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 5. М., 1833.
34. *Полевой Н.А.* Обзор русской истории до единодержавия Петра Великого. Спб., 1846.
35. *Полевой П.Н.* Русская история для мужских средних учебных заведений. Курс систематический. СПб., 1890.
36. *Похорский Д.В.* Российская история. Изд. 2-е. М., 1823.
37. *Пыпин А.Н.* История русской литературы. Т. 2. СПб., 1911.
38. *Рейц А.* Опыт истории Российских государств и гражданских законов. М., 1836.
39. *Рожков Н.А.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1905.
40. *Романович-Славатинский А.В.* Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Киев, 1885.
41. *Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.
42. *Самоковасов Д.Я.* Главнейшие моменты в государственном Развитии Древней Руси и происхождение Московского государства. Варшава, 1886.
43. *Сергеевич В.И.* История русского права. Лекции в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1877.
44. *Соловьев С.М.* Истории России с древнейших времен // Сочинения. Кн. III. М., 1989.
45. *Тарановский Ф.В.* Феодализм в России. Критический очерк. Варшава, 1902.
46. *Терлаич Г.* Краткое руководство к систематическому познанию гражданского права России. СПб., 1810.
47. *Устрялов Н.* Русская история. Ч. 2. Изд. 2-е. СПб., 1838.
48. *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев, 1912.
49. *Хлебников Н.* О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869.
50. *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории Русского права. М., 1858.
51. *Шлецер Г.* Изображение Российской истории. СПб., Б.г.
52. *Щекатов А.* Картина России, изображающая историю и географию, хронологически, генеалогически и статистически. Ч. 1. М., 1807.
53. *Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1903.